

ТРУДОВЫЕ БУДНИ И ПРАЗДНИКИ МОСКВЫ ГЛАЗАМИ ГПУ¹

Л.В. Борисова

На основании анализа ранее не использовавшихся источников (главным образом информсводок ВЧК–ОГПУ) автор показывает, как большевистская власть организовала сбор сведений о настроениях рабочих в столичном регионе в первой половине 1920-х гг. Показано, что параллельное использование различных каналов информации позволяло большевистскому руководству иметь объективную картину важнейших событиях в среде трудящихся.

Ключевые слова: большевистская власть, ВЧК–ОГПУ, информационные службы, рабочие, массовые настроения, протестные акции.

Советскими историками написано огромное количество книг и статей, в которых тиражировался миф о беспримерном трудовом героизме рабочего класса, его передовой творческой роли не только в производстве, но и в строительстве советского строя, и безоговорочной поддержке компартии. Особенностью этих работ было исключительное внимание к позитивной практике большевиков в постреволюционной организации трудовых отношений, а негативные явления трактовались как вынужденные в связи с внешними и внутренними угрозами революции. При этом любая критика власти объяснялась проявлением отсталости рабочих, «пережитками» и влиянием политических врагов большевизма, а протестные выступления рассматривались исключительно как контрреволюционные. Считалось аксиомой, что забастовочное движение существовало только до октября 1917 г., и этой датой заканчивались многочисленные публикации документов и исследования советских историков по рабочему движению.

В 1990-е гг. благодаря многим изменениям в нашей стране произошло событие, сыгравшее огромную роль в развитии истории как науки: беспрецедентное открытие архивов и снятие грифа секретности с большого количества архивных документов, в том числе партийных и чекистских. К тому же во многих регионах началась передача документов местных органов ВЧК–ГПУ, не содержащих оперативной информации, в госархивы, что значительно упростило доступ к ним исследователей. Обращение к новым пластам источников, рассекреченных в партийных, государственных и ряде ведомственных архивов, позволило во многом изменить сложившиеся представления о советской истории, поставить новые задачи исследований и уже в то время вписать отрывочные факты из открытых источников в общую картину событий.

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН. Проект «Наследие прошлого и социально-культурные практики современной России».

Однако освоение огромного массива документов оказалось столь трудоёмким, что историки вынуждены продвигаться вперед поэтапно, шаг за шагом². Вслед за многочисленными публикациями в массовой печати и научной периодике вышли в свет первые сборники документов³ и монографии⁴, в которых раскрываются новые исторические сюжеты, в частности, мотивация труда в постреволюционный период, причины и особенности протестных выступлений рабочих на различных этапах строительства социализма. Изучаются настроения рабочих и в региональном разрезе, основываясь на документах местных архивов⁵.

С конца 1990-х гг. началась систематическая публикация документов ещё об одной мифологизированной странице отечественной истории, связанной с деятельностью небольшевистских партий в постреволюционный период. Так в рамках серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» вышли в свет сборники партийных документов меньшевиков и эсеров за 1918–1924 гг. В них также приводятся факты, правда немногочисленные, об участии представителей этих партий, находившихся на нелегальном положении, в профсоюзном движении и протестах рабочих.

Большим научным событием стал выход в свет многотомного фундаментального издания: «"Совершенно секретно". Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922 – 1934 гг.»⁶. В сборниках этой серии публикуется комплекс информационных документов центрального аппарата ГПУ/ОГПУ, основой которого являются ежедневные госинформсводки и ежемесячные обзоры о политико-экономическом состоянии и внутривнутриполитическом положении в СССР. Если структура госинформсводок построена по географическому принципу и документы содержат опера-

² О различных аспектах изучения новых источников см.: Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общей ред. А.К. Соколова. М., 2004.

³ Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг.: Сб. статей и док. М., 1998; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата», октябрь 1917–1929: Экономические конфликты и политический протест: Сб. док. СПб., 2000; Трудовые конфликты в СССР. 1930-1991: Сб. статей и док. М., 2006; Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрание уполномоченных фабрик и заводов: Док. и мат. М., 2006 и др.

⁴ *Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2000; *Она же.* Трудовые отношения в советской России 1918–1924 годы. М., 2006; *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия: 2-е изд., доп. М., 2010; *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот, 1883-2001 гг. М., 2005; *Ульянова С.Б.* «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921-1928 гг. СПб., 2006; *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 годы. М., 2004; *Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; *Она же.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999 и др.

⁵ *Лозбенев И.Н.* Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е годы // Отечественная история. 2005. № 4. С. 141–146; *Лютов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа // Отечественная история. 2007. № 4. С. 65-74 и др.

⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М., 2001-2007. Т. 1–10. См. рецензию: Отечественная история. 2003. № 2. С. 140–150. Ещё до появления этого издания различные сводки ВЧК–ГПУ, в том числе и госинформсводки, и обзоры активно изучались историками и частично опубликованы в других сборниках документов. См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939.: Док. и мат.: В 4 т. М., 1998–2006; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Док. и мат.: В 5 т. М., 1996–2005.

тивную информацию, то обзоры представляют собой аналитический документ, построенный по тематическим рубрикам: «Общее положение», «Рабочие», «Крестьянство», «Антисоветские партии и группировки», «Кооперация» и др. Фактической основой обзоров являлись госинформсводки вместе с комплексом тематических сводок.

Однако при всей важности названных источников ими далеко не исчерпывается массив информационных документов ОГПУ, хранящихся в Центральном архиве ФСБ РФ. В данной статье попытаемся охарактеризовать состав, содержание и источники сведений информационных документов Московского губернского полтотдела ГПУ (МГПО), которые только начинают вводиться в научный оборот⁷. Особая значимость этого органа в системе ГПУ предопределялась тем, что в зоне его ответственности находились высшие и центральные органы власти и управления, крупнейшие предприятия страны. Столица являлась также главной ареной проведения политических акций, призванных продемонстрировать поддержку рабочими большевистской власти. Чекисты были призваны контролировать ситуацию и зорко следили за тем, чтобы все мероприятия развивались в задуманном направлении. Кроме того, с начала 1920-х гг. Москва стала «витриной» социализма для посещавших страну иностранцев. Особый статус московского губотдела ВЧК-ГПУ подтверждался и тем, что её руководители, первым из которых был Ф.Дзержинский, являлись членами коллегии ВЧК-ГПУ. Все эти особенности нашли отражение и в документах МГПО.

Одним из практических выводов, сделанных властью из критического положения, сложившегося весной 1921 г. в связи с восстаниями крестьян, событиями в Кронштадте и забастовками в Петрограде и Москве, был вывод о необходимости постоянного контроля над настроениями в обществе. Для выполнения этой задачи требовалась организация информационной работы в масштабах всей страны. Об острой потребности в такой информации для использования в повседневной работе свидетельствовали и многочисленные телеграммы в ЦК местных парторганов. «Тамбовский губком настоятельно [просит] сообщать систематическую секретную информацию губкомам о положении Республики. Отсутствие таковой информации (как было до сих пор) чрезвычайно затрудняет политическую работу. Особенно важно иметь сведения о всяких забастовках, контрреволюционных выступлениях и т. п. с краткой характеристикой причин», – обращался в марте 1921 г. секретарь губкома Б. Васильев⁸. Об отсутствии необходимой информации говорилось и в телеграмме секретаря Уральского губкома Петровского: «В соседних уездах Саратовской губернии развивается бандитизм. Уральский губком находит, что нужно повести агиткампанию против бандитизма. Между тем замалчивание правды об Антоновщине и, вообще, о бандитизме заставляет губком обратиться за директивами ЦЕКА»⁹.

Отвечая на многочисленные запросы, с начала июня 1921 г. в специальном подразделении ВЧК (в декабре был создан информационный отдел) на основе поступающей от местных органов информации стали составляться ежедневные госу-

⁷ Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России 1918–1924 годы; Она же. «Мы бросили работу. Придите к нам на помощь...»: Документы Центрального архива ФСБ РФ о забастовках московских текстильщиков в 1923 г. // Российская история. 2010. № 4.

⁸ Российский государственный архив социальной и политической истории (далее – РГАС-ПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 230. Л. 15.

⁹ Там же. Л. 8.

дарственные информационные сводки. Их задачей являлось оперативное информирование высшего партийно-хозяйственного и профсоюзного руководства о настроениях населения, в первую очередь рабочих, их отношении к компартии и советской власти.

Важным источником получения информации о положении в столичном регионе являлись информсводки Московского губернского политического отдела ГПУ (МГПО) по Москве и губернии. Организация работы по их составлению проводилась в соответствии с циркулярами ВЧК о госинформации от 19 апреля и 12 мая 1921 г. 26 мая 1921 г. была утверждена информационная тройка при МЧК, в которую вошли зав. информчастью МЧК Сенниковский, представитель МК РКП(б) Моргунов и представитель Моссовета Левертов¹⁰. Тройка руководила работой объединённой госинформацией по Москве и губернии и несла ответственность за собираемые сведения и постановку информационной работы. За каждым членом тройки был закреплён определённый круг учреждений. Представитель МК РКП(б) отвечал за предоставление сведений от МК, МГСПС и от губсоюза кооперации; представитель исполкома Моссовета – от московского губсовнархоза, Моспродкома, Москватоба, Мосздравотдела, промкооперации, комиссии по улучшению быта рабочих. Зав. информационной частью ВЧК руководил работой информационного аппарата и отвечал за проработку получаемых материалов.

На этом же заседании тройки был определён порядок сбора информации. МЧК выделял от каждого учреждения, видимо, из своих осведомителей особого уполномоченного, который под руководством соответствующего члена тройки предоставлял необходимые сведения. В соответствии со своими полномочиями члены тройки должны были получать информацию и от руководителей партийных, советских и союзных учреждений. Таким образом, для включения в сводки поступали два вида информации: неофициальная от агентуры и официальная от руководства. Основой для её сбора служили анкеты, разработанные для каждой системы учреждений. Однако первые анкеты зачастую содержали слишком широко сформулированные вопросы, поэтому сбор материала вызывал большие трудности. Например, что мог сообщить губсовнархоз для сводки, отвечая на такой вопрос: «как отражается на производительности предприятий и на рабочих массах централизм?»¹¹. Медлительность в предоставлении информации объяснялась также отсутствием соответствующего аппарата и персонала в учреждениях. В связи с этим анкеты пришлось дорабатывать, а выпуск первой сводки затянулся.

Информационные сводки «о политическом и хозяйственном состоянии города Москвы и губернии» выходили ежедневно в течение 1921–1925 гг. В первые три года они составлялись в Московском губполитотделе ВЧК-ГПУ, а затем – в 1-м (московском) отделении информотдела ОГПУ. В заголовке сводки также указывался её порядковый номер и дата. Они выходили под грифом «совершенно секретно». Информация группировалась по районам Москвы, а внутри в качестве рубрик выделялись наиболее важные для конкретного периода темы: «волнения среди рабочих на почве задержки выдачи жалования и недоразумений с тарифами», «настроение рабочих и населения по вопросу о процессе эсеров», «положение и настроение работников полиграфического производства», «государственное социальное страхование», «ход подписки на государственный золотой заем» и

¹⁰ Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 404.

¹¹ Там же. Л. 417.

многие другие. Были и сезонные рубрики: летом – «приостановка работ в связи с летними отпусками и ремонтом», а в начале осени – «возобновление работ после летних отпусков». В конце сводки выделялось положение на Московском железнодорожном узле, являвшемся стратегическим объектом. В этой части сообщалось не только о настроениях железнодорожников, фактах недовольств и забастовок, но и об авариях, крушениях поездов, хищениях.

В 1923 г., когда набирало обороты преследование за экономические преступления и проходили массовые судебные процессы сотрудников различных трестов, в сводках появился новый раздел – «экономическая часть», в котором приводилась информация о конкретных злоупотреблениях. Отражением нэповских реалий являлся и раздел «Черная биржа», в котором указывались курсы покупки и продажи валют, в том числе и царских серебряных и золотых монет, а также облигаций хлебного и золотого займов. Как показывает информация сводок, принудительная выдача этих облигаций, доходившая в нарушение инструкций до 90 % зарплаты, вызывала острое недовольство рабочих¹². В 1924 г. на первый план вышла борьба за повышение производительности труда и сводки стали начинаться с рубрики «причины, отражающиеся на производительности труда», появилась также рубрика «провокационные слухи», хотя сообщения на эту тему отражались и в предыдущие годы. С этого же времени информация стала систематизироваться не по районам, а по трестам.

Центральное место в сводках занимает освещение настроений московских рабочих. В них содержится детальная картина появления и развития недовольств, нередко, заканчивавшихся забастовкой, хроника событий по дням, а иногда и часам. При этом негативные настроения подразделялись на недовольства, брожения, «итальянки» и забастовки¹³. Как показывают документы, недовольство означало, что рабочие, не останавливая работы, собирались небольшими группами и обсуждали злободневные проблемы. Под брожением понимался более высокий накал конфликта. В состоянии «брожения» рабочие отдельных цехов или всего завода созывали собрание, на котором высказывали претензии администрации предприятия, руководству треста или профсоюза, а часто и всем вместе. При этом звучали угрозы: в случае невыполнения требований объявить забастовку. В такой ситуации в сообщениях ГПУ употреблялся термин «сильное брожение». Однако до забастовки дело могло и не дойти, если руководство шло на уступки. Как показывают сводки по Москве и губернии и другие информационные документы, возникновение забастовок не было сюрпризом ни для администрации предприятий, ни для ГПУ. Периодически сообщая о настроениях рабочих одних и тех же предприятий, сводки наглядно демонстрировали вектор развития конфликтов. «Есть основание думать, что недовольство не сегодня-завтра может вылиться в забастовку»¹⁴, – такой прогноз развития событий был нередким для пика забастовочного движения в 1922–1923 гг.

¹² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 840. Л. 104. Д. 835. Л. 262.

¹³ Примечательно, что в документах ГПУ употреблялся исключительно термин «забастовка», а не термин «стачка», общепринятый в дореволюционное время и сохранившийся в профсоюзной печати. Этой языковой особенностью проводился водораздел между славной революционной борьбой под руководством большевистской партии и неприемлемыми для власти выступлениями рабочих.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 592. Л. 168.

Постоянная проблема с задержками выплаты заработной платы, если и решалась, то на короткий срок и только с помощью угрозы забастовкой. Администрация предприятий, зачастую, действовала по принципу: сегодня – недовольство, завтра – зарплата. Однако во многих случаях, как показывают сводки, даже забастовка не могла заставить администрацию предприятий и профорганы выполнить законные требования рабочих. Помимо хронических задержек заработной платы, фиксировавшихся всю первую половину 1920-х гг., тяжёлое материальное положение рабочих предопределялось и множеством других факторов: выдачей мизерных авансов, низким уровнем тарифных ставок, задержкой выдачи пайка, высокими ценами в кооперативах и на рынке. Кроме того, приходилось оплачивать большинство социально-бытовых услуг, в том числе жильё, транспорт, обучение в школах и медицинскую помощь, за которые в период военного коммунизма платило государство. Переход к денежной оплате услуг проходил постепенно, и часть расходов возмещали предприятия, выдавая талоны.

В 1924–1925 гг. появился новый раздражитель, связанный с интенсификацией труда и курсом на повышение производительности труда. В ответ на снижение расценок рабочие намеренно не выработывали установленные нормы, останавливали станки. Как отмечали сводки, особенно напряжённая ситуация сложилась у текстильщиков, производительность труда которых не повышалась по объективным причинам: из-за плохого качества сырья и устаревшего оборудования. Так, на кружевной фабрике «Ливерс» в Хамовниках после повышения норм выработки в декабре 1924 г. производительность труда по этим причинам упала на 18,6 % по сравнению с ноябрем¹⁵.

Ожесточённые конфликты разгорались и в связи с коллективными договорами, в которых фиксировались нормы выработки и тарифы на оплату труда. В качестве примера приведём выдержки из сводок о событиях на ткацких фабриках Орехово-Зуевского треста в августе 1922 г., в которых показаны карательные меры борьбы с забастовщиками не только администрации, но и профсоюза.

16 августа: «Вследствие несоблюдения Орехово-Зуевским трестом колдоговора бастуют 5 Никольских фабрик. Чувствуется влияние на рабочих меньшевиков и черносотенных элементов. Профсоюз объявил бастующих выбывшими из членов профсоюза. Администрацией объявлен новый набор и прекращена выдача хлеба бастующим».

17 августа: «На состоявшемся 16 августа нелегальном собрании рабочих Никольских фабрик было постановлено: “требовать повышения тарифных ставок и увеличения пайка”. Администрацией было предложено рабочим всех фабрик, кроме ткацкой, немедленно приступить к работе, а ткачам объявлено об увольнении. Приняты меры к охране складов и фабрик. Всего бастующих 19 тыс. По последним сведениям забастовали также рабочие фабрики Зимина».

18 августа: «Забастовали также рабочие Никольских фабрик и фабрики Зимина ликвидирована. На общем собрании рабочих (присутствовало 3,5 тыс. чел) было постановлено: принять колдоговор. К работе приступить с 21 августа. И просить профсоюз текстильщиков ходатайствовать перед губотделом союза и заводоуправлением о не увольнении рабочих фабрики».

23 августа: «Рабочие Никольской фабрики 22 августа пытались устроить общее собрание для обсуждения вопроса об обратном приеме уволенных руково-

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 624. Л. 51.

дителей стачки. Отделом управления дано распоряжение никаких собраний не допускать»¹⁶.

В сводках зафиксированы и другие типичные случаи поведения рабочих, заканчивавшихся забастовкой, и следовавшие за этим репрессивные меры. Так, на машиностроительном заводе бывший Г. Лист в связи с недовольством новыми тарифами и расценками на паек, завком, следуя официально установленной процедуре, провёл собрание заводских организаций и послал протесты в союз металлистов и в Моссовет. Однако на то, чтобы соблюсти все правила и дождаться ответа, у рабочих уже не хватило сил и они объявили забастовку. Дальше события развивались по типовой схеме: трест Мосмет объявил о закрытии завода и новом наборе рабочих. Рабочие же одумались и перед угрозой увольнения постановили: выйти на работу. Но их предложение было отклонено, и в тот же день был объявлен список уволенных. Примечательно, что об этой забастовке было сообщено в «Правде» под броским заголовком «Сами себя высекли». «Завод работает, громадное большинство рабочих принято обратно. Зачинщики поплатились. Мораль: не нужно идти мимо союза», – так назидательно заканчивалась заметка¹⁷.

Однако о масштабе увольнений газета, по понятным причинам, умалчивала. Зато в сводке МГПО за 19 мая 1922 г., в частности, сообщалось: «На 4-м государственном машиностроительном заводе быв. Г. Лист сегодня с утра объявлен набор рабочих, желающих приступить к работе. К увольнению намечено профсоюзом 50 чел. из общего числа около 400 чел.» В сводке за 20 мая эти данные были уточнены: «Набор рабочих закончен. Приняты прежние рабочие за исключением 30 человек, будировавших массу. Работа возобновится в понедельник 22 мая»¹⁸. Примечательно, что именно профсоюз взял на себя карательную функцию, а за словами о наборе рабочих скрывался распространённый способ ликвидации забастовок в 1920-е гг. – локаут¹⁹. (Иногда в этом же значении в документах ГПУ употреблялось слово «перерегистрация»). Само же слово «локаут» по идеологическим причинам, чтобы не давать повода к аналогиям с действиями капиталистов, не употреблялось ни в документах этого периода, ни в советской историографии²⁰.

Как следует из резолюций на документах, информация о крупных забастовках докладывалась начальнику секретного отдела и главе ведомства Ф.Э. Дзержинскому. Последний, в свою очередь, информировал ЦК, а также использовал сообщения сводок и других документов, имевшихся в его распоряжении, для подготовки докладов на различных совещаниях в ЦК.

Как показывают сводки, забастовка как форма борьбы за выживание и отстаивание своих законных требований применялась всеми слоями городского населе-

¹⁶ ЦА ФСБ РФ, Ф. 1. Оп. 6. Д. 489. Л. 90, 92, 109, 136.

¹⁷ Правда. 1922. 2 июня.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ, Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 128, 129.

¹⁹ «Локаутом называется массовый расчет рабочих с целью ухудшить условия труда, разбить пролетарскую солидарность, уничтожить профессиональную организацию рабочих», – такое определение локаута дано в запрещённой брошюре известного деятеля профсоюзного движения в России (См.: *Гарви Н.* Что такое локауты. СПб, 1914. С. 4). Аналогичная «игра в слова» наблюдалась и в отношении «желтых» и «красных» профсоюзов в постреволюционные годы.

²⁰ Даже в современных изданиях можно встретить утверждения, что в советский период локауты не применялись, и вообще не было репрессий против забастовщиков. См.: Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 4; Рабочий в XX веке: Российский опыт. М., 2005. С. 89.

ния²¹. Так, в связи с тяжёлым материальным положением в конце января 1922 г. бастовала профессура Московского университета. При этом попытка студентов физмата поддержать своих бастующих преподавателей была сорвана членами РКП. Понимая решительный настрой забастовщиков, администрация даже предложила студентам разъехаться на каникулы. Решение прекратить забастовку было принято после того, как депутация профессоров побывала в Кремле у зампреда Совнаркома, «который обещал принять все меры к улучшению материального положения преподавателей и снабжения необходимыми пособиями»²². Требования профессоров обсуждались и на совещании в Наркомпросе. Одновременно с Московским университетом проходила забастовка профессуры университетских клиник на Пироговке. Хотя их требование было сугубо экономическим, но в сводке говорилось о политической подкладке забастовки, мотивируя это только тем, что «таковая началась с момента провала меньшевиков на выборах в Московский совет». Вскоре, протестуя против нарушения Главпрофобром университетской автономии, забастовали преподаватели МВТУ. Руководителями 10-дневной забастовки были известные профессора Круг, Ясинский, Куколевский и Мерцалов. И в этом случае комячейка, «сговорившись с лидерами других партий», не допустила того, чтобы студенты поддержали забастовку²³.

Сводки фиксировали настроения не только представителей населения, трудившихся в различных сферах физического и умственного труда, но и тех, кто находился на иждивении государства и полностью зависел от чиновничьих решений. Озадачившись экономией бюджетных средств, московские чиновники, как это часто бывает, занялись «упорядочением» льгот самой уязвимой группы населения – инвалидов. В июле 1923 г. Моссовет принял постановление об отмене с 1 августа бесплатных годовых проездных билетов на трамвай для инвалидов и выдаче разовых по принципу строгого учёта их использования. Эта новость не могла не вызвать огромного возмущения, но его первая волна была погашена обещанием Московского отдела социального обеспечения, что вопрос будет пересмотрен. Однако обещание не было выполнено, и 31 июля со всех районов Москвы к зданию МОСО на Солянке стали съезжаться делегации от инвалидных домов и отдельные группы инвалидов. Начиная с этого дня, новостью № 1 в сводках была информация о волнениях инвалидов.

Наряду со сводками, в которых содержится фактическая канва событий в краткой форме, имеются и другие документы МГПО, позволяющие более подробно изучить позиции противоборствующих сторон. В данном случае источниками сводки, очевидно, служили «доклад по наблюдению и выяснению волнений среди инвалидов МОСО» от 31 июля 1923 г., составленный по оперативным данным агентов, и протоколы общих собраний дома инвалидов «Солодовники» и общего собрания, состоявшегося 31 июля в МОСО. В ещё одном документе (без подписи и даты), озаглавленном «брожение среди инвалидов», содержится хроника действий инвалидов с указанием количества участников на каждом этапе. Он скорее всего был составлен уже в качестве итогового документа.

²¹ Даже в отделениях милиции фиксировалось недовольство зарплатой и невыдачей обмундирования (ЦА ФСБ. Ф.2. Оп. 1. Д. 840. Л. 30, 52).

²² Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 25–29.

²³ Там же. Л. 41, 42, 44.

Как сообщали информаторы, находившиеся 31 июля в гуще событий, «инвалиды говорили, что вот де мы, инвалиды гражданской и империалистической войны, защищавшие на фронтах Советскую власть от белогвардейщины, и там на фронтах Республики отдавшие всё своё здоровье и теперь в силу этого принужденные влачить такое существование, что мы получаем несчастное маленькое пособие, которого не хватает на прожиточный минимум, что их последнее утешение, т. е. бесплатный проезд в трамваях, отнимают и дают разовые трамвайные талоны, которых распределяется очень маленькое количество, так что большую часть приходится ходить пешком»²⁴. Одни предлагали искать заступничества у Троцкого, другие – отправиться с манифестацией к Моссовету, «пусть смотрит вся Москва, как правительство обращает внимание на инвалидов, защищавших их от белогвардейщины»²⁵. Третьи, «более благоразумные», удерживали их и говорили, что ни к чему это не приведёт. В конце концов, когда инвалидов ещё порядочно прибавилось, приехал секретарь президиума Моссовета Дорофеев и пригласил инвалидов для разговора зайти во двор МОСО, но они отказались. «... Пусть жители Москвы видят и слышат это. Нужно было бы ещё остановить трамвай на несколько дней», – говорили инвалиды. Всё-таки, как сообщалось в «докладе по наблюдению...», Дорофеев уговорил толпу, и собрание состоялось. В своём докладе, обосновывая решение Моссовета, он указал на большое количество поступавших заявлений о злоупотреблениях. Ответная реакция была настолько бурной, что с двумя инвалидами случился припадок.

В сводках фиксировались и настроения безработных, зарегистрированных на биржах труда по районам Москвы. Их недовольство вызывалось не только тем, что они не имели права отказаться от направления на любую работу, и распространением взяточничества, но и выделением среди безработных привилегированных групп. Так, по решению московских властей, одобренному МГСПС, с 1 июля 1923 г. зарегистрированные безработные делились на две группы. Лица, получающие пособие от биржи труда, члены профсоюза, демобилизованные и инвалиды относились к первой группе и в первую очередь обеспечивались работой. Остальные безработные, составлявшие вторую группу, могли получить путёвку на работу только в случае нехватки из первой. Масштабы безработицы были таковы, что только на бирже труда в Замоскворецком районе было зарегистрировано, по данным сводки, 7,5 тыс. человек, из которых 1,5 тыс. входили в первую группу. По сообщению сводки, «этим было вызвано недовольство безработных, из среды коих стали раздаваться выкрики, что нужно идти на демонстрацию к центральной бирже и требовать уничтожения нового порядка. Один из выступавших (персонально известный) предлагал созвать общее собрание безработных по этому поводу. Присутствовавшие этому аплодировали. Предложение выбрать делегацию было отклонено. После этого безработные разошлись»²⁶. Указывалось и количество присутствовавших: 600 человек. Казалось бы, представители этой маргинальной группы были не способны к организованному отстаиванию своего мнения, но через две недели в сводке сообщалось о делегировании безработными 50 представителей к начальнику центральной биржи для выражения протеста.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 835. Л. 224.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 153об.

Важной формой выявления настроений рабочих и в то же время инструментом политического влияния на рабочие массы являлись заводские собрания, митинги, демонстрации. Информсводки МГПО показывают, как большевистская власть использовала их для формирования заданного отношения рабочих к массовым политическим кампаниям периода нэпа, таким, как изъятие церковных ценностей, процесс над правыми эсерами, для разжигания классовой ненависти и целенаправленного формирования негативного отношения к политическим оппонентам власти. В сводках зафиксирован ход собраний, реплики, вопросы к докладчикам, результаты голосования. При этом информация сводок, в частности об отношении московских рабочих к процессу правых эсеров, опровергает категорические оценки, имевшиеся в советской историографии²⁷.

Барометром политической лояльности рабочих считалось проведение демонстраций 1 Мая и 7 Ноября. Отказ от участия в именно этих демонстрациях был наиболее сильным и редким средством давления на власть.

Источником сведений об организации и проведении демонстраций, приуроченных к всевозможным политическим событиям внутри страны и на международной арене, служили сводки оперативной части Мосгуботдела ГПУ. В них очень подробно, с точностью до 10 минут, указывалось местонахождение и численность колонн демонстрантов по маршруту движения, расстановка агентов ГПУ, количество охраны, оформление колонн. Так, в сводке о праздновании 1 Мая отмечалось: «Особым успехом во время демонстрации во всех районах пользовались многочисленные карнавальные группы, шедшие впереди колонн предприятия. Нареканий со стороны публики по поводу ряженых попов и другого духовенства – не наблюдалось»²⁸. А в сводках оперчасти «О собраниях в связи с 25-летием РКП» сообщалось о ходе собраний на предприятиях, в учреждениях и воинских частях, располагавшихся в Москве, о задававшихся вопросах и записках докладчику. Примечательно, что на собрании в Спасских казармах почти через пять лет после гибели царской семьи были поданы записки с вопросом, где находятся Николай II и его семья.

Несмотря на обычно чёткую организацию демонстраций, происходили и несчастные случаи. Так, во время демонстрации в связи с убийством Воровского и нотой Керзона, состоявшейся 12 мая 1923 г. на Красной площади, дети попали в давку²⁹. Оперчастью составлялись также информсводки, в которых фиксировались аварии в городе, отключение электричества, в том числе в Кремле. Малейший сбой в электросети в Кремле быстро расследовался и направлялся рапорт начальнику информотделения особой части Мосгуботдела. Причиной такого сбоя мог оказаться совершенно заурядный для чекистов факт, но интересный для изучения быта того времени. Так, в рапорте за 17 марта 1923 г. было указано, что причиной мигания света в Кремле оказалась электромясорубка в Кремлёвских курсах ВЦИК, в которой застряло мясо³⁰.

Как показывают сводки, свою агитацию, несмотря на большую опасность, пытались вести и антибольшевистские силы. В адрес завкомов по почте направлялись письма ЦК РСДРП, листовки, номера меньшевистских и эсеровских изданий.

²⁷ Подробнее см.: *Борисова Л.В.* «Мандат доверия рабочих...»: Реакция российских рабочих на процесс правых эсеров // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2006. Vol. 33. No. 2–3. P. 153-182.

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп. 1. Д. 835. Л. 160.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 113.

По поводу одного такого письма завком завода «Динамо» обратился с открытым письмом через «Правду», которое заканчивалось словами: «Покорнейшая просьба к ЦК меньшевиков не загромождать завком письмами»³¹. Листовки расклеивались у входа на предприятия, на трамвайных остановках, разбрасывались в цехах. Например, листовку ЦК меньшевиков «К позорному столбу» информатор сорвал с забора по Гаврикову переулку. На ней есть резолюция: «Внесено в сводку. 31 марта 23 г.».

В сводках зафиксированы и немногочисленные случаи открытой агитации. Так в связи с подготовкой официальной демонстрации 20 июня 1922 г., призванной показать поддержку рабочими процесса правых эсеров, на общее собрание на заводе АМО приехали два меньшевика с мандатом от МК РСДРП. Они призывали бойкотировать демонстрацию, но их агитация не имела успеха³².

В последующие годы получили распространение листовки анонимного характера, критиковавших итоги выборов в советы и призывавших к забастовкам с требованием повышения заработной платы. Одна из таких листовок в марте 1925 г. была обнаружена на авиазаводе бывший Дукс и, как выяснилось, была отпечатана на пишущей машинке одного из отделов завода³³.

Ещё одна важная особенность рассмотренных источников заключается в том, что они дают определённое представление о бытовой стороне жизни, о характере межличностных и межгрупповых отношений на предприятиях. Некоторые из этих фактов на первый взгляд достойны пера Ильфа и Петрова, но это впечатление обманчиво, так как у людей того времени было другое восприятие событий. Вот одно из таких сообщений о происшествии на стратегическом объекте: «В 6 вечера 16 января – запах гари по всей телефонной станции. Причина – примус в квартире зав. станции Акинфиева, оставшегося без присмотра. Жарившийся на нём картофель сгорел. Дело ограничилось переполохом». Отражением типичной чекистской психологии («кругом – враги») является, в частности, и сообщение уполномоченного Мосгуботдела ГПУ по Богородскому уезду о праздновании 25-летия РКП: «Перед юбилеем мною были даны задания как информаторам, а также секретарям ячеек некоторых фабрик и заводов на предмет выявления наших врагов, но такие в эти дни ни в чем себя не проявили, исключительный случай – это на Электростанции, когда на общем собрании 12 марта было вынесено предложение, отчислить [деньги] на открытие памятника “25 лет работы РКП”, то один из группы значащихся у нас на учёте – гр. Гулин внёс предложение, вместо памятника заказать доску, на которой устроить соответствующие надписи, но это предложение абсолютным большинством отвергнуто»³⁴.

Большое раздражение рабочих вызывал жилищный вопрос, остро стоявший на протяжении 1920-х гг. Число бездомных нередко превышало половину рабочих кадров предприятия. В ужасающих условиях жили рабочие на подмосковных торфоразработках, особенно сезонники. Они бастовали каждое лето, требуя своевременной выплаты заработной платы и улучшения бытовых условий. Например, на торфоразработках Богородско-Щелковского треста, на которых работало 2 тыс. человек, закономерное недовольство вызывали следующие условия: «... мало ко-

³¹ Правда. 1922. 21 июня.

³² ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 592. Л. 160.

³³ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 624. Л. 67.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 835. Л. 111.

ек, нет постельных принадлежностей, теснота. В бараках размера 20x12 кв. аршин – по 40 человек. В общих бараках живут также семейные. Особенно сильно недовольство среди женщин (300 человек), у которых вовсе нет коек и им приходится спать где попало»³⁵.

Даже в докладах районных уполномоченных МПО ОГПУ за 1924 г. отмечалось, что в связи с плохими жилищными условиями рабочие приходят на работу измученными и по этой причине не участвуют в общественной работе. В то же время руководящие работники жили совершенно в других условиях, даже имея право на дополнительную площадь. Рабочие относились к этим различиям как к вопиющей несправедливости и ущемлению своих прав. Это недовольство проявлялось по самым разным поводам. Например, сильное недовольство среди рабочих наблюдалось в связи с кампанией 1924 г. по реализации жилищно-строительного займа. Уполномоченные докладывали о разговорах в связи с займами, «что советское правительство втягивает рабочих, чтобы они из своего скудного заработка строили себе жилища, а спецам, которые были даже против Октябрьской революции предоставляется возможность, жить широко (с добавочной площадью) в готовых домах, не затрачивая на жилстроительство ни одной копейки из своего более высокого заработка; и что когда РКП бывает трудно, то прибегают за помощью к рабочим, а как улучшить материальное положение, то в первую очередь улучшается спецам»³⁶.

Как показывает изучение информационных сводок по московскому региону и многочисленных информационных документов, исходивших от штатных сотрудников и информаторов, недовольство рабочих было зеркалом комплекса проблем в политической, экономической и социальной сферах не только города, но и всей страны. О достоверности информационных документов ГПУ этого периода свидетельствует не только идентичность текста сводок МГПО и текста госинформсводки ГПУ о событиях в Москве, но и сравнительный анализ с информацией документов профсоюзных, хозяйственных и партийных органов. Масштабы рабочего протеста в первой половине 1920-х гг. были таковы, что даже в госструктурах, напрямую не связанных с производством, обсуждали конкретные факты забастовок. А принимая экономически целесообразные меры, руководители были вынуждены обращать внимание и на социальные последствия³⁷.

Отраслевые профсоюзы и ВЦСПС несли ответственность за соблюдение трудового законодательства и бесперебойную работу предприятий, разрабатывали инструкции для своих местных органов о тактике их действий в условиях протестов и забастовок. В ЦК РКП(б) приходили телеграммы от местных парторганизаций о тяжёлом положении на предприятиях и забастовках рабочих. Всем членам ЦК и секретарям губкомов направлялись доклады о крупных забастовках. В фонде

³⁵ ЦВ ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 799. Л. 37.

³⁶ Там же. Оп. 3. Д. 623. Л. 117об.

³⁷ Так, на одном из заседаний Президиума Госплана в июле 1923 г. говорилось о репрессиях в отношении рабочих Мытищинского машиностроительного завода. А при обсуждении плана концентрации промышленности, предполагавшего закрытие значительного количества убыточных предприятий, председатель Президиума Госплана Г.М. Кржижановский заявил: «Здесь имеются и вопросы социального порядка, которые имеют огромную роль. Не надо забывать, что дух работников, их настроение при сокращении, при выбрасывании за борт понижается. А настроение работников – это такой капитал, который нельзя расходовать неосторожно» (Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 131. Л. 41).

ЦК отложились также информационные письма ВЦСПС, докладные записки и справки ЦК отраслевых союзов, наркоматов финансов и труда, хозяйственных органов (Госплана, ВСНХ, Высшего тарифного совета), которые направлялись для сведения и в ответ на запросы ЦК партии, так как только благодаря вмешательству ЦК можно было на короткое время снять остроту финансовых проблем. Такой параллелизм, характерный для делопроизводственных источников в целом, позволял получателям информации того времени перепроверять сомнительные факты, а современным исследователям даёт основания для определения достоверности и репрезентативности этих источников.

Литература:

- Борисова Л.В.* Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2000.
- Борисова Л.В.* «Мандат доверия рабочих...»: Реакция российских рабочих на процесс правых эсеров // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2006. Vol. 33. No. 2–3.
- Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России 1918–1924 годы. М., 2006.
- Борисова Л.В.* «Мы бросили работу. Придите к нам на помощь...»: Документы Центрального архива ФСБ РФ о забастовках московских текстильщиков в 1923 г. // *Российская история*. 2010. № 4.
- Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
- Гарви Н.* Что такое локауты. СПб, 1914.
- Лозбенев И.Н.* Особенности рабочего движения в Центральном промышленном районе России в 1920-е годы // *Отечественная история*. 2005. № 4.
- Люттов Л.Н.* Настроения рабочих провинции в годы нэпа // *Отечественная история*. 2007. № 4.
- Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот, 1883-2001 гг. М., 2005.
- Ульянова С.Б.* «То на скаку, то на боку»: Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской/ленинградской промышленности в 1921-1928 гг. СПб., 2006.
- Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 годы. М., 2004.
- Яров С.В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999.
- Яров С.В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999.

**DAY'S WORKS AND HOLYDAYS OF MOSCOW WORKERS AS THE
BOLSHEVIK SECRET SERVICES LOOKED THEM IN THE BEGIN-
NING OF 1920S**

Summary

Analyzing non-used earlier documents (mostly from secret services archives) author shows how Bolshevik power organized collection of information about workers' moods in capital region in first half of 1920s. She argues that by using different channels of political information Bolshevik leaders got rather unbiased picture on labors' intentions and affairs.

Keywords: Bolshevik power, VChK-OGPU, information services, workers, mass moods, protest actions.
